

МЕСЯЦ

1976

К гастроллям «Современника»

УТВЕРЖДАТЬ
ДОБРОТУ

Летом 1961 года в Москву приехал молодой специалист, только что окончивший Ленинградский химико-технологический институт. Инженер по пластическим массам. Приехал, чтобы подать заявление в школу-студию МХАТ. Был принят, окончил училище и с 1965 года стал артистом «Современника».

Трудно сказать, что потеряла в лице Андрея Мягкова набирающая в те годы невиданный еще у нас в стране темп химия, — сам Андрей об этом умалчивает, но театр, безусловно, оказался не в накладе.

Сейчас, по истечении десятилетия, перебирая в памяти сыгранное им, поражаешься бескомпромиссной точности актера своей теме. Адуемладший («Обыкновенная история»), Медведенко («Чайка»), Барон («На дне»), Луначарский («Большевики»), Михайлов («Народовольцы») — в театре; Чесноков («Похождения зубного врача»), Алеша («Братья Карамазовы»), Хлебников («Гроссмейстер»), молодой Ленин («Надежда») — в кино. Все эти образы, казалось бы, очень разные, объединяет одно качество — личность. Все герои Мягкова — люди недюжинного таланта, реализованного, нет ли, профессионального ли, человеческого — неважно. Важно, что все они обладают судьбой, как это и подобает личности.

Когда думаешь о том, как сформулировать тему Андрея, на ум не приходит ничего более конкретного, как расхожий термин — «внутренняя интеллигентность». Но так ли уж это общо? Так ли много мы знаем артистов, в творчестве которых настоятельное требование времени быть умным, душевно изящным, тактичным, реализуется органично, без нажима и насилия над своей природой? Мягкову это удается настолько естественно, что порой начинаешь верить в какую-то predeterminedную власть над человеком его фамилии.

Неспособность на насилие ни в каком роде, принципиальное нежелание оказывать какое-либо давление на других — характерная черта многих мягковских героев. Даже его Барон — паразит, «червь, что яблочко точит» — и тот в сцене издевательств над Настей скорее шутит, а понимая, что его поведение не что большее, чем забава, как-то смущается и сникает. Сколько зрители повидали Баронов — резких, омерзительных в своем падении, а Мягков даже в нем извлекает «душу живу», и когда тот плачет, то видишь в этом не своеобразный мазохизм исподличавшегося жулика — плачет человек, осознавший, пусть на миг, всю глубину своего несчастья.

Вспоминается один из самых, пожалуй, пронзительных образов Мягкова — Медведенко в «Чайке». Казалось бы, совсем невыигрышная роль — маленький, смешной человек, презираемый окружающими, не любимый женой. Роль, которая ни в одном другом спектакле не выходила не то что на первый, а и на средний план. В ней и текста под рукой, чем «кушать подано». Но Мягков наделяет своего героя такой человеческой теплотой, что бедный провинциальный учитель становится самым светлым пятном на фоне эгоистических, всецело погруженных в свой внутренний мир, некоммуникабельных персонажей. Как он жаждет общения, какой доверчивостью дышит его лицо, когда он хочет, чтобы хоть кто-нибудь сказал ему «молодец» за орден, что он сподобился получить. А его рефрен, обращенный к жене, безнадежно влюбленной в Треплева: «Маша, пойдем домой, ребеночек голодный», так и звучит в ушах до сих пор.

Интересна своей необычностью для Мягкова роль «Дворника» — главного конспиратора «Народной воли» Михайлова, революционера нестигаемой воли и твердости. Но даже и здесь, несмотря на однолинейность характера и небогатый драматургический материал, артисту удалось за жесткостью своего героя усмотреть его неза-

урядную человечность и доброту.

Эстонские зрители видели Мягкова в «Большевиках», где артист сейчас играет Луначарского. До него в этой роли блистал Евгений Евстигнеев. При всей любви к этому артисту я отдаю пальму первенства Андрею. Эта роль как нельзя больше соответствует его душевному складу. Возможно, Евстигнеев был ярче, зато Мягков точнее — он как бы воплощает собой, ставший символом советского интеллигента, образ первого наркома просвещения с его верой в ленинские нормы жизни, с его воинствующим отвращением к жестокости.

Всегда интересно читать или слышать об Андрее отзывы режиссеров, которым приходилось с ним работать, — О. Ефремова, Г. Волчек, Э. Климова, И. Пыррева, Э. Рязанова. Интересно потому, что подчас в своих высказываниях об артистах постановщики спектакля или фильма руководствуются не более чем этикой. Отзывы же об Андрее всегда исполнены чувства неподдельного уважения. И, думается, это происходит от того, что своим участием в работе артист обогащает режиссера. При всей своей мягкости он не воск, из которого можно лепить что угодно. Может быть, этим и объясняется его не такая уж большая биография киноактера. К Андрею режиссеру приходится идти. И если этот «поход» удался, постановщика ожидает удача. Не было почти ни одного фильма с участием Мягкова, который для постановщика оказался бы проходным. Оставив в стороне такие яркие явления, как «Похождения зубного врача» Э. Климова, «Братьев Карамазовых» И. Пыррева, вспомним «Гроссмейстера». Те, кому довелось читать сценарий, уверены были, что им не избежать скуки. Однако этого не произошло, Мягков вдохнул в образ русского шахматного гения все обаяние своей личности, и фильм заиграл неожиданными красками.

Думается, я не погрешу против истины, когда скажу, что именно Мягков «вернул» зрителям прекрасного комедийного режиссера Эльдара Рязанова, Рязанова времен «Берегись автомобиля». Выход вновь на артиста «Современника», как в былые времена на Ефремова и Евстигнеева, спас уже не раз скомпрометировавший себя на театральных подмостках рождественский рассказ, превратил анекдот в фильм-судьбу, насытил его глубиной и высокой комедийностью, а режиссеру принес успех. Я говорю об «Иронии судьбы».

Андрей Мягков — артист «Современника», как принято называть, «второго призыва». Своим учителем и воспитателем он считает Олега Ефремова, свято верит в преимущества студийности, ансамблевости, органически против ересь, актеры. Свою лучшую роль в театре назвать не может — не видел. В кино — врач Чесноков из «Похождений зубного врача» и Алеша из «Братьев Карамазовых».

Сейчас артист находится в поре высшей творческой зрелости. В театре репетирует Яшу из «Вишневого сада». В кино после «Иронии судьбы» он нарасхват. Недавно сразу снялся в двух фильмах: «Страх высоты» — на «Мосфильме» и «Отпуск, который не состоялся» — в Одессе. Сейчас снимается еще в одном — в «Днях Турбиных», решил, что скоро мы увидим восхитительного Лариосика. Оказалось, нет. Андрей Мягков своим Алексеем Турбиным расскажет в фильме о трагической судьбе русской интеллигенции.

Р. ГОРИЧ.
Фото Д. ПРАНЦА.